

Все четверо стояли на балконе. Пронизывающий ночной ветер леденил кровь, но они словно не замечали холода. Мутанты, привлеченные шумом, снова сбежались на пир, деля между собой легкую добычу прямо на месте.

И в самый разгар этого пиршества с неба рухнула четвертая «порция».

Бам —

Все четверо, как один, задрожали. Чжоу Илюй даже зажал уши руками: он готов был умереть, лишь бы больше не слышать этого звука. На балконах соседнего корпуса тоже толпились люди. Кто-то, срываясь на плач, закричал во всю глотку:

— Хватит прыгать, твою мать!

Отчаяние — это зараза куда страшнее любого зомби-вируса.

Череда падений прекратилась лишь после того, как о землю ударилось тело седьмого студента. Но никто не знал, был ли это финал или просто передышка.

Вокруг общежитий стало еще тише, чем прежде. Но когда ты понимаешь, что все выжившие стоят сейчас на балконах на ледяном ветру, и представляешь их застывшие, ошеломленные, испуганные или скорбные лица — и при этом никто не издает ни звука — эта тишина пугает сильнее любых душераздирающих криков.

Ветер свистел между двумя корпусами. Сун Фэй вглядывался в неясные силуэты на противоположных балконах, словно смотрел на самого себя.

Раздвижная дверь позади него вдруг закрылась. Сун Фэй удивленно обернулся и увидел, что Чжоу Илюй успел принести гитару Жэнь Чжэ.

Вскоре тишину ночи нарушили переборы гитарных струн. Зомби за закрытыми дверями балконов и комнат общежития вряд ли могли что-то расслышать, но для студентов на балконах обоих корпусов музыка звучала отчетливо. Этот звук они слышали бесчисленное множество раз в унылые будничные вечера. То какой-нибудь романтик с Химического факультета, обняв гитару, своим хриплым голосом орал на весь мир признания в любви. То девушка из Филологического института, начитавшись блогов, пищала что-то приторно-нежное, корча из себя утонченную натуру. Но сейчас мелодия, коснувшаяся их ушей, не имела ничего общего ни с дешевой романтикой, ни с нежным кокетством. Она была твердой и сильной:

Где же он — этот мир, утопающий в цветах?

Если он есть, я обязательно туда доберусь.

Я хочу стоять на самой высокой вершине,

И плевать, если это окажется край обрыва.

Жить изо всех сил, любить изо всех сил, пусть даже разобьюсь в лепешку,

Мне не нужно чужое одобрение, лишь бы быть честным с собой.

Я никогда не отказывался от своей мечты,

Даже в самые темные, невзрачные дни...

Припев Чжоу Илюй не решился петь в полную силу: кульминация песни была слишком взрывной, и он побоялся привлечь тех, кого привлекать точно не стоило — иначе они и правда рисковали разбиться в лепешку. Но приглушенный, намеренно пониженный голос звучал от этого лишь тверже и упорнее.

Беги вперед, навстречу холодным взглядам и насмешкам,

Как познать всю ширь жизни, не пройдя сквозь испытания?

Судьбе не заставить нас встать на колени и молить о пощаде,

Даже если грудь будет залита кровью...

Песня стихла. Напряженное лицо Ци Яня разгладилось. Цяо Сыци к концу песни даже начал негромко подпевать.

Сун Фэй поднял глаза к небу — там сияла россыпь ярких, неописуемо красивых звезд. Чжоу Илюй крепче прижал к себе гитару. Он пел для других, но в то же время и для себя. Музыка принесла ему долгожданное успокоение. Завтрашний день еще наступит, надежда жива. Но он не знал, скольким людям передалось это чувство. Вокруг — и в их корпусе, и в соседнем — по-прежнему стояла глухая, мертвая тишина.

Сун Фэй вдруг придвинулся к Чжоу Илюю и что-то прошептал ему на ухо. Тот озадаченно захлопал глазами.

— Ты уверен?

— Давай, пой.

Чжоу Илюй, все еще сомневаясь, снова ударил по струнам и затянул:

— Зеленеет Северная гора, у озера Белой воды раскинулся мой прекрасный кампус...
Стремление к силе и надежда, открытость и терпимость — это наш...

Будто ураган налетел, затмив небо и землю!

— Стой!

— Прекрати!

— Какого хрена ты затянул гимн университета?!

— Я тебя прибью!

В третью ночь зомби-осады выжившие в двух корпусах мужского общежития впервые спали спокойно. Конечно, тем, кому все эти дни снились кошмары, они продолжали сниться. Но кошмар изменился: на смену леденящему ужасу перед ордами зомби пришел ужас перед университетским гимном, который их заставили зубрить и бесконечно распевать на прошлогоднем юбилее вуза. Однако это второе чувство вернуло им ощущение реальности, живой и яркой, от которой они совсем не хотели отказываться.

На рассвете Сун Фэй проснулся под залиvistый храп Чжоу Илюя и Цяо Сыци. Эти двое храпели в совершенно разных тональностях: один — отрывисто и мощно, другой — протяжно и заунывно. Их сопение переплеталось в причудливый дуэт, напоминавший пасторальную сцену,

где пастушок играет на дудочке, побуждая ленивого вола к труду.

Он пошарил рукой в поисках телефона, лежавшего у подушки. Стоило ему высунуть руку из-под одеяла, как холодный воздух, только этого и ждавший, мгновенно пробрался внутрь. Сун Фэй сжался в комок. Холодное свечение экрана выхватило из темноты его покрасневший нос.

Пять часов утра.

За окном по-прежнему царила крошечная тьма, и рассветом даже не пахло. Сун Фэй вдруг искренне порадовался тому, что в свое время провалил поступление в вуз из своего первого приоритетного списка. То учебное заведение находилось на самом северо-востоке страны, и, поговаривали, уже в ноябре кураторы выводили студентов на спортплощадку лепить ледяные скульптуры.

— Проснулся? — раздался совсем рядом тихий голос Ци Яня.

Они спали на соседних койках головами друг к другу, так что расстояние между ними было совсем крошечным.

— Угу.

Сун Фэй отложил телефон. Режущий глаза белый свет погас, комнату 440 снова залил мягкий лунный свет, и все вокруг словно погрузилось в покой. Тихий, убаюкивающий покой.

Сун Фэй не помнил, чтобы с самого начала вспышки зомби-волны им выпадали подобные минуты. Не завывал жутко ветер, пробиваясь сквозь щели в двери, не раздавались в коридоре тяжелые шаги мутантов. Словно сам бог нажал на паузу, позволив им с Ци Янем — единственным, кто это чувствовал, — украсть это мгновение безмятежности.

— О чем думаешь? — спросил Ци Янь.

На самом деле Сун Фэй ни о чем таком не думал, но раз уж Ци Янь спросил, пришлось поскрести по сусекам памяти:

— Думаю о том, что если бы ничего этого не случилось, я бы сейчас читал чатики втихаря и прикидывал, кого бы симпатичного позвать вместе отметить Рождество.

— И кто же тебе в чате кажется симпатичным? — непринужденно поинтересовался Ци Янь, будто они просто болтали по-дружески.

Сун Фэй попытался воскресить в памяти фотографии, которые парни выкладывали в группу. Они замелькали перед глазами, как картинки в калейдоскопе, заставив его мечтательно вздохнуть:

— Дэн Цзянь с физкультурного — это же просто нечто. Какие мышцы, какой рельеф...

— Он притворяется натуралом и завел девушку, — вставил Ци Янь.

— Ли Чжаоси с эконома. В этих своих очках в тонкой золотой оправе — вылитый интеллектуал-недотрога...

— Завел роман с молодым преподавателем финансов, которого только в этом году на работу взяли.

— У Цзылан с химфака...

— Баба.

— Гуань Сяочэнь из Института компьютерных наук...

— Траходром ходячий.

— Цзяо Бо с биофака...

— Бегают за мной.

— Ты же говорил, что заглушил этот чат! — возмутился Сун Фэй.

— Как снова стал холостяком, так и включил обратно.

— ...Подъем!

Счастливые мгновения во все времена пролетали быстро. Пастушок и вол мгновенно подорвались со своих мест и ошалело уставились по сторонам.

— Ч-что случилось? — заикаясь, спросил Цяо Сыци.

Первые два дня он пребывал в каком-то тумане, где кино смешалось с реальностью. Паника и страх казались ненастоящими, а порой у него даже проскальзывал странный азарт. Но со вчерашнего дня, когда он воочию увидел, как студенты убивают друг друга, а потом застал эту жуткую череду прыжков с балкона, он больше не мог воспринимать происходящее как игру или фильм. Это была суровая реальность. Конец игры мог наступить в любой момент, и второго шанса начать сначала у него точно не будет. Чем больше думаешь об этом, тем страшнее становится. И сейчас Цяо Сыци пребывал именно в таком подвешенном состоянии между размышлениями и тихим ужасом.

Чжоу Илюй на его фоне выглядел куда спокойнее. Он глянул за окно, потом перевел недоуменный взгляд на Сун Фэя:

— Какого хрена вы так рано вскочили?

Сун Фэй, стуча зубами от холода, спрыгнул с кровати и быстро завернулся в длинный черный пуховик. Тепло медленно возвращалось в тело.

— Кто рано встает, тому бог подает.

Чжоу Илюй мысленно застонал: ну да, кто рано встает, но не посреди же ночи!

Часам к шести, когда они еще толком не проснулись, в общежитии дали свет.

Цяо Сыци набрал полный термос холодной воды, опустил туда кипятильник и включил его в розетку. Пока вода нагревалась, он со вздохом заметил:

— Пожалуй, только мы способны устраивать себе такой комфорт во время апокалипсиса.

Когда вода закипела, они умылись и почистили зубы. После этого четверо ранних пташек поделили между собой последние остатки лапши быстрого приготовления. К яблокам никто прикасаться не решился — боялись, что плотный завтрак заставит их организм работать

слишком активно, а туалет сейчас был непозволительной роскошью.

После скромной трапезы из съестных припасов у них осталась лишь половина коробки шоколадных конфет да пачка креветочных чипсов.

Чжоу Илюй с сожалением посмотрел на огромную подарочную коробку, внутри которой сиротливо ютилось несколько изящных конфеток — по пальцам одной руки пересчитать.

— Все равно же шоколад едим. Лучше бы купили нормальных «Сникерсов», толку было бы больше. Какой прок от этой праздничной мишуры?

Сун Фэй обреченно вздохнул:

— Братан, эту коробку покупали не для того, чтобы самому лопать. Ее брали в подарок девушке.

— Чьей? — Чжоу Илюй перевел взгляд с коробки конфет на висевший на стене инструмент, и в его голове мгновенно выстроилась логическая цепочка. — Нашего гитариста?

<http://bllate.org/book/18287/1753388>